

Владимир Кожевников

**Часы, которые
забыли остановиться**

Владимир Кожевников

Часы, которые забыли остановиться

<https://litres.ru/74267167>

SelfPub; 2026

Аннотация

Студентка-физик Кира находит в квартире умершего деда старые механические часы, способные отматывать время назад — не больше чем на двенадцать минут за раз. Каждый откат стирает память окружающих, оставляя Киру единственной, кто помнит изменённую реальность, и награждая её мучительной мигренью. Одержимая желанием вернуть деда, она начинает опасное путешествие вспять, но вскоре понимает: вмешательство в прошлое не проходит бесследно. Реальность истончается, исчезают люди, а сама Кира всё глубже погружается в лабиринт парадоксов, где причины и следствия меняются местами. Когда открывается шокирующая правда о происхождении часов, ей предстоит сделать выбор, от которого зависит не только её будущее, но и целостность самого времени.

Содержание

Глава 1. Тиканье в тишине	4
Глава 2. Свидетель поневоле	8
Глава 3. Энтропийный якорь	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Кожевников

Часы, которые забыли остановиться

Глава 1. Тиканье в тишине

Квартира деда пахла временем — застоявшимся воздухом, старой бумагой и едва уловимой металлической ноткой, напоминавшей о старых монетах. Окна-хамелеоны, сбившиеся в режим вечных сумерек, пропускали рассеянный желтоватый свет московского октября 2047 года. Кира стояла в дверях гостиной и крутила на пальце брелок умного замка, крошечный, словно таблетка. Две недели она собиралась с духом, чтобы войти в эту квартиру. Две недели с того четверга, когда дед, Анатолий Сергеевич Вершинин, тихо умер в своём кресле, и врачи констатировали внезапную остановку сердца.

Сердце у деда было как старые механические часы: тикало размеренно, а потом внезапно встало. Кира вздрогнула от собственного сравнения и всё-таки шагнула внутрь.

В гостиной царил порядок: стопки журналов «Природа», пожелтевшие салфетки с рукописными формулами, голограмма бабушки, едва заметно мерцавшая над пианино. Ки-

ра провела пальцами по книжным корешкам — «Хронометрия: от маятника до кварца», «Парадоксы причинности». Дед был инженером-хронометристом и, казалось, до последнего дня искал способ обуздать время.

Взгляд Кире упал на каминную полку. Там стояли те самые часы. Массивный корпус из потемневшей бронзы, циферблат слоновой кости с римскими цифрами, две стрелки, ни одной секундной. Антикварная подделка под XIX век, которую дед никогда не заводил. «Время — слишком опасная игрушка, Кирушка. Лучше не трогай», — звучал в памяти его голос.

Теперь, когда деда нет, запрет казался единственной ниточкой, связывавшей её с ним. Кира взяла часы в руки. Они оказались неожиданно тёплыми и чересчур тяжёлыми для бронзы — словно внутри скрывался свинцовый сердечник. На задней крышке почти стёртая гравировка: «Помни: прошлое любит целостность». Она нахмурилась и заметила, что заводная головка чуть выступает. Машинально, без определённой цели, она покрутила её. Головка поддалась с мягким маслянистым звуком, стрелки дрогнули и пошли назад. Кира перевела минутную стрелку примерно на два деления и резко вернула головку на место.

Часы щёлкнули.

В следующую секунду мир исказился — не взорвался и не исчез, а словно сдвинулся в сторону, как отражение в потревоженной воде. Голову сжало ледяным обручем, в висках

запульсировала боль. Кира покачнулась, вцепилась в камин, и реальность вернулась рывком. Часы снова лежали на полке, неподвижные и холодные. Заводная головка была плотно прижата к корпусу.

Кира отшатнулась, сердце колотилось о рёбра. Она судорожно выхватила телефон. 14:08. Память подсказывала: только что было 14:11. Она открыла историю сообщений — последнее от Марка пришло в 14:09. Три минуты исчезли. Или нет — чуть больше двух.

«Галлюцинация, — подумала Кира, прижимая холодный экран ко лбу. — Переутомление, скорбь, чёрт знает, что. Так не бывает». Но пыль в солнечном луче плясала иначе, чем минуту назад, и запах в комнате казался свежее.

Она заставила себя дышать ровно. В голове проносились лекции по квантовой хронофизике, замкнутые времениподобные линии, гипотетические тахионные контуры — ничто из этого не объясняло механический прибор, только что стёрший отрезок реальности.

Нужно было проверить. Неуверенно, словно ступая по тонкому льду, Кира взяла со стола маркер и нарисовала на левой ладони маленькую звезду. Потом снова подошла к часам, сжала заводную головку и, затаив дыхание, прокрутила стрелки на одну минуту назад. Щелчок.

Мир поплыл. Боль взорвалась в затылке — резкая, колющая, гораздо сильнее предыдущей. Кира зажмурилась, а когда открыла глаза, то снова стояла у камина. Часы лежали

нетронутыми. Ладонь была чиста. Телефон показывал 14:10.
— Невозможно, — выдохнула она.

Руки дрожали, к горлу подступала тошнота. Она была единственным свидетелем двух стёртых из реальности минут. Память осталась только у неё — и чудовищная головная боль. Кира опустилась в то самое кресло, где умер дед, и уставилась на часы. Дед боялся не времени. Он боялся именно этого механизма. А она только что самостоятельно произвела откат.

Две недели назад дед был жив. Двенадцать минут — максимальный лимит? Она не знала наверняка, но интуиция подсказывала, что часы не отмотают больше одного оборота. Но даже двенадцати минут за шаг хватит, чтобы добраться до того четверга, если повторять откаты раз за разом.

Кира представила его лицо — последнее, умиротворённое, — и внутри зажглась холодная решимость. Она вытащила телефон и набрала Марка. Тот возьмёт трубку даже посреди ночи, потому что привык к её полуночным прозрениям.

— Марк, — сказала она, услышав сонное «Алло». — Приезжай в дедову квартиру. Я нашла кое-что... от чего Эйнштейн бы перевернулся в гробу.

Положив трубку, Кира потёрла висок, где уже гнездилась тупая боль, и повторила про себя, как мантру: «Я смогу его вернуть. Смогу».

Глава 2. Свидетель поневоле

Марк появился на пороге, стряхивая с плаща дождевые капли. Влажный октябрьский воздух ворвался следом за ним, смешиваясь с пыльным запахом квартиры. Он сразу заметил, как изменилась Кира: лицо осунулось, под глазами залегли фиолетовые тени, а взгляд лихорадочно блеснул. Она сидела в дедовом кресле, сжимая подлокотники, словно боялась, что реальность снова поплывёт.

— Выглядишь так, будто тебя переехал трамвай из позапрошлого века, — заметил Марк, но привычная ирония далась ему с трудом. — Что стряслось? Твоё сообщение звучало как начало плохого фильма ужасов.

— Я не шучу. Помнишь дедовы часы? — Кира кивнула на каминную полку. — Они отматывают время назад. Я проверила. Дважды.

Марк усмехнулся.

— Отматывают время. Кира, ты физик. Понимаешь, как это звучит? Если бы такие штуки существовали, мир бы давно развалился от парадоксов. Ты переутомилась, скорбь давит, плюс этот дурацкий хроно-факультет... Давай я вызову врача?

Вместо ответа Кира поднялась, пошатываясь, и взяла часы. Марк смотрел скептически, но на всякий случай отошёл к стене, скрестив руки. Когда она перевела стрелки и нада-

вила на головку, он ждал щелчка и, возможно, весёлой шутки. Вместо этого комната на миг превратилась в смазанную акварель, желудок подпрыгнул к горлу, а в ушах зазвенело.

Он моргнул. Кира стояла на том же месте с часами в руках, но её лицо исказила гримаса боли.

— Какого... — начал Марк и осёкся. Он не помнил, чтобы она нажимала на заводную головку. Но она только что это сделала? Нет, не делала? Или делала? В висках застучало.

— Откат на полминуты, — глухо произнесла Кира. — Ты ничего не помнишь, потому что для тебя этих тридцати секунд не существовало. Их стёрло вместе с твоей памятью. А я помню. И голова раскалывается.

— Бред! — выдохнул Марк, но голос дрогнул. — Это какой-то фокус. Гипноз. Светошумовая атака.

Кира молча протянула ему свой телефон. На экране шла запись: Марк, усмехающийся, говорит: «Допустим, ты меня разыгрываешь, и я почти купился». Он не помнил, чтобы говорил это. Вообще не помнил последних секунд перед тем, как Кира подошла к камину. Запись задрожала, изображение сменилось рябью, но первые несколько кадров были неопровержимы. Пальцы Марка похолодели.

— Ты хочешь сказать, что это реально? Часы могут возвращать время? — он перевёл взгляд на бронзовый корпус, и тому вдруг стало тесно в собственной коже. — Но это же... это нарушает всё. Второе начало термодинамики, причинность, само определение реальности. Как такое возможно?

— Не знаю. Но дед что-то знал. И я... я могу его вернуть. Двенадцать минут — лимит одного отката. Если делать их подряд, я доберусь до дня его смерти. Это тысяча шестьсот восемьдесят откатов, Марк. Я считала.

Марк перевёл дух. Математика была верной, но мысль о том, что Кира переживёт почти две тысячи микро-прыжков, вызвала ледяной страх. Он уже видел, чего ей стоили три пробных отката — она была на грани обморока.

— Ты с ума сошла. Тысяча шестьсот откатов? Да после дюжины ты сляжешь с инсультом. Твоя мигрень — это явно не просто боль, это нейронная перегрузка. Надо искать другой путь.

— Я не могу ждать! С каждым днём след остывает. Может, через неделю я уже не смогу дотянуться до того четверга.

Они спорили до хрипоты, но в итоге Марк, как всегда, уступил. Он не мог спокойно смотреть, как Кира страдает, и, если существовал хоть призрачный шанс вернуть старика, он должен был помочь — хотя бы для того, чтобы контролировать процесс и не дать подруге убить себя.

Эксперименты возобновились той же ночью. Марк превратил обеденный стол в лабораторию: разложил портативный квантовый накопитель, планшет, старый механический диктофон и даже бумажный блокнот с авторучкой. Он намеревался выявить, какие носители информации переживают откат.

Кира активировала короткие скачки — по пятнадцать-двадцать секунд. С каждым разом её дыхание становилось прерывистее, а кожа приобретала восковой оттенок. Марк следил за приборами, и результаты ему категорически не нравились. Энтропия на накопителе в момент отката падала почти до нуля, словно в этой точке времени исчезала сама стрела причинности. Данные на планшете превращались в бессмысленный шум, диктофон шипел, а чернила в блокноте испарялись прямо на глазах — строчки таяли, оставляя чистую бумагу.

Но самое жуткое произошло в момент шестого отката. Когда мир смазался, Марк краем глаза заметил, что тень Киры на стене замерла на долю секунды раньше её самой, словно отделившись от тела. Затем всё встало на места, но его проbral озноб, какого он не испытывал с детства. А после, укладывая обессиленную Киру на диван, он увидел, что плед, ещё недавно серо-голубой, стал бурым.

— Реальность истончается, — прошептал Марк, чувствуя, как по спине ползёт холодок. — Мы не просто отматываем время, мы рвём его по швам.

Он сел за стол и, отбросив страх, начал строить математическую модель. Если представить реальность как многослойную квантовую пену, то откат можно описать как схлопывание пузырьков — возврат к предыдущему энергетическому состоянию. Но полного возврата не происходило: энтропия падала, но не до нуля, накапливая «ошибки». Кира

была единственным наблюдателем, сохранявшим информацию, и именно её нейроны принимали на себя энтропийный удар. Головная боль — расплата за информационный парадокс. Если найти способ разделить эту ношу, создать внешний накопитель, который бы переживал откат, то можно было бы снять нагрузку с Киры. Марк засел за код.

Утром Кира проснулась от резкой боли в висках — настолько сильной, что она не смогла сдержать стона. Свет из окна резал глаза, словно осколки стекла. Она попыталась сесть, и комната качнулась. Марк, задремавший за столом в окружении голографических схем, тут же вскинулся.

— Не двигайся, — бросил он, подавая стакан воды. — Ты едва не потеряла сознание ночью. Откаты высасывают тебя, Кира. Если продолжишь в том же духе, убьёшь себя раньше, чем доберёшься до деда.

— Я знаю, — прошептала она, глотая воду мелкими глотками. — Но я должна.

Марк вздохнул и развернул перед ней проекцию своей модели — сложное переплетение формул и диаграмм. Он объяснил идею «энтропийного якоря»: если создать устройство, способное имитировать нейронную активность Киры в момент отката, можно обмануть часы, заставив их «думать», что носителей информации двое. Тогда боль распределится.

— Закончу прототип через пару дней, — сказал Марк. — Подожди хотя бы до этого.

Кира посмотрела на него долгим взглядом, в котором сме-

шались благодарность, упрямство и отчаяние. За окном занимался хмурый рассвет, и в его свете старые часы на камине казались зловещим идолом, терпеливо ждущим новой жертвы.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Два дня. Но не больше.

Она откинулась на подушку, прижимая ладонь ко лбу. В глубине её сознания уже зрело страшное, невысказанное подозрение: что если дед умер именно потому, что кто-то уже пытался его спасти? Она гнала эту мысль, но она возвращалась — навязчивая, как тиканье, которого не было.

Глава 3. Энтропийный якорь

Два дня, вытребованные Марком, превратились в трое суток почти непрерывной работы. Он спал урывками — по двадцать-тридцать минут, проваливаясь в тяжёлое забытьё прямо за столом, среди разбросанных микросхем, оптоволоконных нитей и голографических проекций. От него пахло кофе и горелым пластиком, глаза покраснели, а синяя чёлка совсем потеряла форму, свисая спутанными прядями. Но он был близок к цели — настолько близок, что уже не чувствовал усталости, только электрическое покалывание азарта в кончиках пальцев.

Кира проводила эти дни в мучительном бездействии. Головная боль после экспериментов отступила не сразу: пульсирующее эхо ещё двое суток напоминало о себе при каждом резком движении. Она пыталась помогать Марку — подавала инструменты, запускала симуляции на планшете, — но чаще просто сидела у окна, наблюдая, как октябрьский дождь размывает контуры города. Холодное стекло, к которому она прижималась лбом, немного успокаивало. И ещё она вспоминала рояль. Нет, не рояль — пианино? Она зажмурилась, пытаясь воскресить картинку: гостиная деда, инструмент у восточной стены. Но в памяти всплывало два противоречивых образа: один — чёрное лакированное пианино, другой — светлый деревянный рояль с приподнятой

крышкой. Оба казались одинаково реальными. Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и вернулась к дедовой книге.

Старый томик «Темпоральная механика для инженеров» она уже просматривала раньше, но в прошлый раз страницы ближе к середине слиплись от времени — пришлось аккуратно поддеть их ногтем. И теперь, когда бумага разъединилась, наружу выпал сложенный вчетверо листок. Пожелтевший, исписанный нервным, размашистым почерком деда. Кира пробежала текст глазами, и сердце сжалось.

«Если ты читаешь это, значит, я не справился. Часы работают по принципу квантовой ретро-фиксации. Каждый откат создаёт микротрещину в полотне. Не делай больше трёх подряд. Шестнадцатое октября — ключевая дата, я пытаюсь...» — дальше запись обрывалась чернильной кляксой.

Она перечитала записку трижды. Шестнадцатое октября — через два дня. «Не делай больше трёх подряд» — а она уже сделала семь в первую ночь. Семь. Что теперь происходит с «полотном»? И с ней самой?

Когда Марк закончил пайку прототипа и рухнул на стул с триумфальным «Готово!», Кира молча протянула ему находку. Он прочитал, и его лицо вытянулось.

— Семь откатов, — произнёс он ледяным тоном. — Ты сделала семь. А он пишет: не больше трёх. Кира, ты понимаешь, что мы, возможно, уже запустили необратимый процесс? Эти «микротрещины», о которых он говорит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.